

Сергей Лукьяненко

Алешенька и бекасы

В Москву Алешенька вернулся рано поутру на «Авроре», экспрессе не-позволительно дорогое для гимназиста. Но Алешенька очень хотел пофорсить перед друзьями, обронить небрежно где-нибудь в рекреации, потягивая слабенькую папироску «Дукат» с патентованным угольным фильтром: «Неплоха «Аврора», скажу я вам, господа. Неплоха. Но все ж таки излишне расхвалена. Проводники дело знают, но надменны не по чину...»

Все эти сладкие мысли, позволительные семнадцатилетнему мальчишке, пронеслись в голове у Алешеньки, когда он сидел на алом бархатном диване, вольнодумно не вставая, хотя уже гремело в динамиках: «Славься, славься, русский царь!» В окошко виден был вокзал и поезд замедлял ход.

Сосед по купе, пожилой купец-киргиз, на Алешу смотрел неодобрительно, цокал языком, а потом вздохнул:

— Э... молодежь... Так и нигилистами становятся.

От такого оскорбления Алешенька покраснел будто рак, будучи пылко-го нрава, вскочил, но грубить старому человеку, к тому же иноверцу, постеснялся. Лишь выпалил:

— Сударь, зря вы меня причисляете к нигилистам! Что же до моего желания встать — так это борьба с условностями. Если государю потребуется моя преданность...

— Горячий, — вздохнул киргиз. — Условности, милый Алёшенька, для того и служат, чтобы ограждать устои! Так канавы вдоль дорожного полотна не позволяют талым водам подмывать рельсы.

Речь его выдавала человека образованного, с острым умом, возможно, что и не купца вовсе, а человека государственного.

— Простите, господин Валиханов, — Алёша опустил голову. — Я...

— Всего лишь молод и горяч... — усмехнулся киргиз, похлопав его по плечу. — Собирайте вещи, юноша, поезд вот-вот встанет.

Сам Алёшенька ехал налегке. «Тулка» в потертом кожаном чехле, рюкзак — многое повидавший, сразу выдающий в юноше не хлыста, а бывшего туриста. Так что носильщиков Алёшенька звать не стал. Пробежавшись от вагона до станции подземки, нарочито повернувшись, чтобы вдохнуть морозца, Алёшенька в последний момент передумал и остановил такси. Водитель — человек степенный, основательный, на рюкзак и ружьишко глянул одобрительно, помог погрузить вещи в багажник «Москвички», спросил:

— Издалека возвращаетесь, барин?

Обычно к Алёшеньке прислуга обращалась «молодой барин», потому вопрос был вдвойне приятен.

— Из Санкт-Петербурга, — важно ответил он. — Охотились в Приневье на бекасов.

— Из-под легавой? — задал водитель вопрос, показавший в нем любителя охоты.

— Со спаниелем.

— Хорошее дело, — одобрил водитель. — Куда ехать, барин?

— На Тверскую, — с легкой гордостью сказал Алёшенька. Он любил эту тихую центральную улицу, где родители владели целым этажом в старом каменном особняке. — Дом Егорьевых знаешь?

— Как не знать, знаменитый доктор! — уважительно сказал водитель. И как-то уже новым взглядом посмотрел на Алёшеньку. — Неужто сынок его будете? Очень у вас славный папаша.

Была у Алёшеньки легкая надежда, что к возвращению его с охоты все домашние уже соберутся в Москве. Ан нет! Отец с матерью, как улетели две недели назад в Русскую Америку, так все никак не собрались вернуться. Грелись, видать, на теплых пляжах Калифорнии, а может, путешествовали по английским колониям, среди ковбоев, трапперов и индейцев. Ну, разве это развлечение для взрослых серьезных людей? Алёшенька сам в девять лет пытался в Америку убежать, чтобы жить в лесах охотой и снимать с врагов скальпы, но то детские фантазии...

Пока горничная Танечка помогала ему снять шинель, Алёшенька вдруг как-то новыми глазами взглянул на девушку. Наняли ее родители всего полгода назад — симпатичную, разбитую воронежскую девчонку. Наняли почему-то после долгих тихих споров... жалованье положили на взгляд Алёшеньки непомерно щедрое, да еще и отрядили Танечку прислуживать в первую очередь «молодому барину». И все полгода Алёшенька этому возмущался, прислуживать себе запрещал, лишь порой гонял безропотную Таню за папиросами.

Но сейчас Алёшеньке вдруг пригрезилось, что он понимает, зачем родители наняли Танечку... и почему столько платят... и отчего велели за ним ухаживать. И от понимания этого — взрослого уже, выросшего из рассказов бывалых охотников, услышанных на привалах, из опыта первой недели самостоятельного, «взрослого» времяпрепровождения — в груди у Алёшеньки сладко защемило.

— Как же вы повзрослели, барин, — повторяла Танечка. — Как возмужали... Ах, это, наверное, так интересно, охотиться?

— А ты заходи вечером, расскажу, — пьянея от собственной смелости, предложил Алёшенька.

— Зайду, — просто и с улыбкой ответила Танечка. — Вам джакузю набрать, барин?

— Набери. И баньку истопи.

— Фу, какая ж это банька, — приснула Танечка. — Без веника... без пара... без полок...

Глянула загадочно — и унеслась по коридору.

Алёшенька, весь мигом употевший, но довольный собой чрезвычайно, спрятал ружьишко в сейф (с оружием всегда надо быть строгим), переоделся в домашнее — да и решил, пока финская сауна греется, заглянуть к дядюшке.

Дядюшка Алёшин был уже старичок, мамин старший брат, не бедный и не немощный, но ни к чему толковому не приспособленный, к тому же вдовый. Вот уже семь лет жил у Егорьевых, отчасти помогал воспитывать Алёшеньку, отчасти просиживал кресло, копаясь в старых бумагах. В отличие от сестры—учительницы, чью профессию в обществе всякий уважает не меньше, чем докторский труд, был дядюшка Петр историком, человеком смешным, да и не особо государству нужным.

Ладно бы еще архивариус! Помогал бы людям род свой проследить, все полезное дело. А то сидел Петр днями и ночами, перебирал всеми забытые бумажки да строчил иногда статейки в скучный маленький журнал «Уроки Истории».

Но Алёша беспутного дядюшку любил. Даже запах старых бумаг ему нравился, будил воображение.

Вот и сейчас, ворвавшись в кабинет к дядюшке будто ураган, Алёшенька завопил:

— Здравствуй, дядя! Я из града твоего имени прибыл!

Дядя в этот миг бумажки не перебирал, а посматривал на экран электрического вычислителя, где мелькало что-то телесное, охающее, ничуть на исторические документы не похожее. Вычислитель дядя тут же выключил, но особо не смутился, а сказал ехидно:

— Ох уж и из града... охальник. Небось из болот не вылезал? С кочки да на кочку?

— Обижаешь, — обнимая дядю, да и садясь на заваленный бумагами диван (пришлось разгрести), сказал Алёшенька. — И в Петропавловку сходили, и в Исакиевскую часовню. Только в Зимний экскурсий не было, ждут государя с визитом... да я этот домик и без того видел.

Дядя кивнул:

— Растет городок-то?

— Растет, — подтвердил Алёшенька. — Стойкие там люди, на таком гнилом месте обосноваться... Нет бы в Москву переехать, в Саратов... Опять же — на югах какая благодать, а людей не хватает! Но как-то перебиваются, город строят. Трамвай пустили скоростной. Через весь город, восемь остановок...

Дядя хитро погрозил Алёшеньке пальцем, достал какой-то фолиант и изрек:

— Городок, говоришь? А знаешь, что царь Петр собирался в Санкт-Петербург столицу перенести?

Алёшенька от души засмеялся.

— Хотел-хотел, — не смутился дядя. — С целью закрепить эти земли и построить город в европейском стиле.

— Да зачем же в России европейский город строить? — снова развеселился Алёша. — Спору нет, Берлин, Амстердам, Лондон — города красивые. Но разве чем Москва хуже? Разве в Саратов или Одессу меньше туристов со всего мира едет? А Мурманск? Анадырь? Казань?

— Петру хотелось перед Европой покрасоваться, — спокойно возразил дядя.

— Ну и слава Богу, что не построил, — Алёшенька, хоть и числил себя вольнодумцем, но тут не удержался, перекрестился. — Вместо милейшего Санкт-Петербурга стояло бы каменное кладбище на болоте!

Дядя закивал:

— Вот тут ты прав. Мы в журнале сей вопрос обсуждали и решили, что царь Петр сим прожектом погубил бы десятки тысяч народа. Однако же...

Алёшенька даже сконфузился от такой ереси:

— Дядя... ну что ты такое несешь? Петр Великий не душегуб был и не дурак, ради пустой-то фантазии всему государству колени подкашивать!

— С чего это сразу — фантазию? — обиделся дядя. — Был, был у Петра такой прожект. Даже объявлено уже было о новом городе. Вот только случился конфуз — на банкете Петр объелся дичью... этими самыми бекасами...

Алёша прыснул.

— Ну и подвело царю брюхо, — улыбаясь, продолжал дядя. — Два дня тезка из известных мест не вылезал, а потом как гаркнет на бояр... — И дядя очень громогласно, и впрямь по-царски, крикнул: — «Дурна сия земля и плоды ее дурны! Чухне да шведам тут жить сподручно, а не русскому человеку!» И не стали дальше строить. Жалко, конечно... из-за дурного повара красивого города лишились!

Алёша облегченно засмеялся. Встал, обнял дядюшку:

— Ну, дядя... Ну, фантазер...

— Как же фантазер, тому документы есть! — попытался спорить дядя.

Но тут в дверь постучали, и заглянула Танечка — глаза подведены, губки подкрашены, будто не по хозяйству возилась, а у зеркала стояла:

— Барин, джакузя уже полная, в сауне жар стоит, — сообщила она и исчезла.

Алёша смущенно посмотрел на дядю.

— Иди-иди, — буркнул дядя и как-то понимающе посмотрел на Алёшеньку. — Фантазии... документы...

В дверях Алёшенька все-таки обернулся и спросил:

— Так ты не шутишь, дядюшка?

— Не шучу.

— Тогда хорошо, что не стал Петр столицу в Приневье ставить, — убежденно сказал Алёша. — Ты бы видел, какова там охота! Построили бы город, зато и всех бекасов извели!

— Разве в бекасах дело? — вздохнул дядя. — Город на болоте — великое свершение, достижение государственное и народное! Пускай не обошлось бы без жертв и лишений, зато народ русский закалился бы в этой стройке, окреп. Нынче во главу угла каждый ставит мещанское благополучие, а ведь могли бы стать державой воистину великой, привычной к подвигам!

Смущенный Алёшенька тихо вышел из кабинета, а дядя еще долго беззвучно жевал губами, вздыхал, неодобрительно поглядывал и на плазменный экран вычислителя, и на кожаные переплеты книг в шкафах красного дерева. Виделась ему сейчас не ленивая мещанская Русь, а какое-то иное, неведомое государство, где каждый день наполнен подвигами и свершениями, где обитают люди крепкие и закаленные, где во славу народного духа гордо стоит на гнилых болотах чудо-город, посрамивший Амстердам и Венецию.

Об авторе

Лукьяненко Сергей Васильевич — один из самых популярных писателей современной России. Родился фантаст 11 апреля 1968 года в казахском городке Каратау в семье потомственных врачей. В соответствии с семейными традициями закончил Алма-Атинский государственный институт по специальности психиатр, однако в медицине надолго не задержался, поскольку еще в раннем возрасте «тяжелело заболел» фантастикой. Свой первый рассказ Сергей сочинил в 20 лет и, по собственному признанию, «за два года написал 8 повестей и около 40 рассказов». В 1988 году состоялась и первая публикация — фантастический рассказ «Нарушение» в алма-атинском журнале «Заря». Работал журналистом в газете «Казахстанская правда», редактором журнала фантастики «Чудеса и диковины» (впоследствии «Миры»). После издания повести «Атомный сон», получившей премию «Старт-93» и романа «Рыцари Сорока Островов» (1992) к С. Лукьяненко пришла известность. С 1994 года он занимается только литературной работой. В 1997 году получил российское гражданство и переехал из Алма-Аты в Москву.

Среди книг писателя — «Рыцари Сорока Островов» (1992), трилогия «Лорд с планеты Земля» (1995), дилогия «Императоры иллюзий», «Осенние визиты» (1997), дилогия «Лабиринт отражений» (1997) и «Фальшивые зеркала» (1999), дилогия «Искатели небес» (1998, 2000), дилогия «Звезды — холодные игрушки» (1997) и «Звездная Тень» (1998), «Геном» (1999), «Танцы на снегу» (2001), «Спектр» (2002), трилогия о Дозорах (1998 — 2004) и др. Несколько книг вышло в соавторстве: с Ником Перумовым — «Не время для драконов» (1997), с Юлием Буркиным — трилогия «Остров Русь» (1996), с Владимиром Васильевым — «Дневной Дозор» (2000).

Лукьяненко в разные годы становился лауреатом почти всех жанровых премий, таких, как «Интерпресскон», «Странник», «Аэлига», «Сигма-Ф», «Золотой кадуцей», «Роскон» и др. В 2003 году на международной конференции «Еврокон», проходившей в финском городе Турку, Сергей Лукьяненко был удостоен звания «Лучший писатель Европы».